

Выдержка из "Джнана Иога" Суоми Вивекананда.

Возможность идеи, в конце девятнадцатого века, что верны только наши фантазии или религии наших предков, все же религии, исходящие из других источников, должны, - указывает, что в нас еще осталась некоторая слабость ума и что ее необходимо устраниить. Я не хочу этим сказать, что такая слабость встречается только в вашей стране; она есть везде, и в моем отечестве больше, чем где бы то ни было. У нас это произошло потому, что Адивайту никогда не допускали к народу. Сначала ее овладели монахи и унесли с собою в леса, почему ее и назвали лесной философией. Но, потом, благодаря Бога, явился Будда, проповедовал ее массам, и Буддизм распространился по всей стране. Эта философия два раза спасала Индию от материализма. Первый раз перед самым появлением Будды, когда широко распространился материализм самого гнусного рода. Это не был материализм настоящего времени, но гораздо худший. Теперь можно, пожалуй и меня назвать материалистом, потому что я, как и материалисты, верю в существование ОДНОГО. Только они это ОДНО называют материей, а я - Богом. Материалисты принимают, что все наши надежды, религия и все прочее произошло из одной материи, я же говорю, что все это получилось от Единого Брахмана. В Индии в то время, о котором я говорю, был материализм не этого рода, а старый, грубый, который проповедовал: - "Ешь, пей и веселись; нет ни Бога, ни души, ни неба. Религии - это выдумки вредных жрецов." Нравственность этого материализма состояла в том, что, пока живешь, надо стараться жить счастливо, - ешь, хотя бы занимая для этого деньги, и никогда не думай об отдаче. Такой материализм распространился в Индии настолько, что даже теперь он носит название народной философии. Вот тогда-то Будда вынес из лесов Веданту, дал ее народу и спас Индию. Через тысячу лет после смерти Будды подобное же положение вещей повторилось. Масса мужчин и женщин разных рас, населявших в это время Индию, приняла Буддизм и была очень предана его философским идеям. Но большинство народа стояло тогда на слишком низкой ступени цивилизации и было заражено всякого рода суевериями; благодаря, однако, этой фи-

философией, стало нравственным и добрым. Но это продолжалось не долго. Понемногу люди вернулись к своим прежним богам, дьяволам, домовым и лешим, и из Буддизма в Индии получилась самая ужасная смесь. После этого, материализм восторжествовал опять, с его распущенностью в высших классах и суевериями в низших. Тогда явился Шанкарачарья и восстановил философию Веданты. Он нашел, что это единственный способ спасти Индию от нравственной неурядицы. На первое время он сделал из нее рационалистическую философию, так как аргументы Упанишадов были очень туманны. Будда развил до крайности нравственную сторону этой философии, Шанкарачарья разработал ее интеллектуальную сторону, согласовал ее с разумом и в обновленном виде представил человечеству. Совершенно такой же материализм существует теперь у вас, и спасение Европы еще раз зависит от того, будет ли ею найдена религия, могущая действовать на человеческий разум. Такая религия должна быть основана на идеи о недуализме, или единстве всего, и о бессличном Боге, и она является всегда, когда прежние религии повидимому исчезают и начинает преобладать неверие. Вот почему и теперь она пустила уже корни в Европе и Америке. К ней остается прибавить только одно. В старых Упанишадах масса поэзии; писавшие их были великие поэты. Вы помните, вероятно слова Платона, что вдохновение приходит в мир через поэзию; и кажется, что Риши Упанишадов были поэтами, ниспосланными человечеству именно с целью сообщить в поэзии самые высочайшие истины. Они никогда не проповедывали, не философствовали, не писали, - от них исходили только музыкальные мелодии.

В Будде мы имеем великое, об'емлющее весь мир сердце и бесконечное терпение; он создал практическую религию и принес ее в каждую хижину. В Шанкарачарье ^{ан} находим огромную интеллектуальную силу, освещающую все ярким дневным светом. Теперь мы нуждаемся в том, чтобы яркий свет разума Шанкарачарья соединился с сердцем Будды, с этим сердцем безграничной любви и милосердия. Это еще возвысит Адвайту, и она будет признана высочайшей философией. В ней найдут тогда место самые высокие рассуждения рядом с удивительной любовью;

Наука и религия встречаются и подадут друг другу руки; то же сделают поэзия и философия. Такова должна быть религия будущего, и, стремясь содействовать ее выработке, мы можем быть уверены, что она удовлетворит все века и все профессии. Размышляя об этом, вы, может быть, сами найдете, что это единственный путь, на который может окончательно вступить современная наука, тем более, что она уже почти наткнулась на него. Когда один из ваших великих ученых говорит вам, что все есть проявление одной силы, то не думали ли вы, что эта сила и есть тот самый Бог, о Котором вы слышали в Упанишадах? "Как один огонь, входя во вселенную проявляет себя в разных формах ^{его} и все-таки остается позади бесконечно больше, совершенно также одна Душа проявляется, как разные души, но ее остается еще непроявленной неизмеримо больше."

Разве вы не видите, как наука ведет людей к одному и тому-же? Индуисты изучали ум путем метафизики и логики. Европейцы исходили из внешней природы. Но как те, так и другие, пришли к одному результату. Исследуя природу ума, мы пришли к Единству, Всемирному Одному, самой сокровенной Душе всех вещей, Сущности и Реальности всего, к Вечно Свободному, Вечно Блаженному и Вечно Существующему. А теперь наука о материи привела нас к Тому-же Единству, к тому Одному, чье все эти формы и силы только проявление, что представляет собою совокупность всего существующего. В этом обединении религии и науки путь человечества к нравственности, а следовательно - и к свободе, так как путь к свободе лежит через нравственность, а безнравственность всегда ведет к рабству.

Другая особенность системы Адвайты состоит в том, что она уже в самых своих положениях не стремится к опровержению чужих религий, и смело заявляет: "Не тревожь веры даже тех, кто вследствие своего невежества привязан к низшим формам богочтания." Наша философия учит - не нарушать ничего спокойствия, но каждому помогать взбираться все выше и выше. Если верно то, что мы заявляем, говоря, что проповедуем Бога, Который есть совокуп-

ность всех вещей во вселенной, то нашесучение должно включать в себя всех.

Всемирная религия, цель которой удовлетворять каждого, не должна проповедывать Бога, Который может быть признан только частью человечества, но такого, которого могут признать все. Эта идея не проведена ясно ни в какой другой системе, хотя все одинаково стремятся достигнуть такой общей всему миру формы и всех об'единить в себе. Части существуют только для того, чтобы они стремились стать одним целым. Адвайта с самого начала не проявляла никакого антагонизма к различным сектам, существующим в Индии. Там теперь значительное большинство состоит из дуалистов, - потому что дуалистические идеи естественно более подходят к мало развитым умам, которым они дают очень удобные, естественные и здравые об'яснения, как справедливо говорят дуалисты, - но Адвайта не спорит с ними. Дуализм считает, что Бог Вселенной обитает где-то в небесах, вне вселенной, а Адвайта признает, что Бог вселенной есть собственная душа человека, и что богохульство называть Его каким либо именем, указывающим на Его отдаленность от человека. Адвайтист говорит, - как можно заявить, что Бог в небесах, или в другом месте? - всякая подобная идея ужасна. Он может быть только ближе всего самого близкого к нам, и ни в одном языке нет слов для выражения этой близости, кроме слова ЕДИНСТВО. Как дуалиста пугает идея Адвайтиста и он считает ее богохульством, совершенно также Адвайтиста страшит идея дуалиста, и он восклицает, - как смееет человек об'ектировать Его? Но Адвайтист понимает положение дуалиста и не спорит с ним. Он говорит, - дуалист совершенно прав, так как со своей точки зрения он видит только часть истины и, пока видит так, должен находить многое, а не одно. Бог видимый только в части вселенной, всегда будет казаться находящимся вне души. Это необходимость, присущая точке зрения дуализма. Адвайтист знает, что дуалисты, каковы бы ни были недостатки их теории, все стремятся к той-же цели, что и он, и потому не спорит и нессорится с ними. В этом он совершенно отличается от дуалиста. Дуалисты во всем свете верят в Личного Бога, представляя Его, как человека, только большего, чем обыкновенный человек, и так как они видят, что люди, не исключая, и самых силь-

ных, одних любят, а других нет, то ту же идею применяют и к Богу, Который по их мнению, любит одного и не любит другого. Это вы встретите у всех древних народов. Всякое племя или народ говорит: "Мы и никто другой - любимцы Бога. Если вы с раскаянием и смирением примите нашу религию, то также войдете в Его милость." Некоторые дуалисты, однако, гораздо суровее: они утверждают, будто только немногие предназначены к спасению, остальные же могут сколько угодно поклоняться на коленях и плакать, но не удостоятся Его милости. Я прошу вас указать мне хотя одну дуалистическую религию, которая бы не отличалась такой исключительностью. Отсюда естественно следует, что они должны бороться и ссориться со всеми другими, что постоянно и делают. Дуалисты всегда пользуются расположением толпы, потому что тщеславие у необразованных всегда популярно. Без сомнения, оно бывает иногда популярно и среди образованных, но не так часто. Дуалист думает, что нельзя быть нравственным, если у вас нет Бога, стоящего с палкой в руке и всегда готового наказать вас. Как являются подобные идеи? - Очень просто. Представьте себе, что нам читала бы лекции о нравственности лошадь, одна из искалеченных извозчиков кляч, которую всегда подгоняли кнутом и которая привыкла двигаться только при этом условии. Если бы она заговорила о человеческой нравственности, то наверно сказала бы: "Люди в Лондоне должны быть очень безнравственны, так как их не бьют постоянно кнутом." Совершенно также смотрят дуалисты. Невежественные массы, состоящие обыкновенно из дуалистов, в течение тысячелетий, во всех странах, постоянно подвергались наказаниям, и у них укоренилась идея, что без страха наказания невозможно спасение, самое же спасение заключается в отсутствии такого страха. Один пастор в Англии говорил мне: "Как у вас, в вашей религии, нет дьявола? Да этого быть не может!"

С другой стороны, мы видим, что самые лучшие и великие люди, каких только производил мир, всегда держались высоких безличных идей. Человек, влияние которого распространяется на миллионы и в течение тысячелетий продол-

жает приносить добро, говорят в Новом Завете: "Я и Отец - Одно." Этот Человек не был дуалистом, но так как массы не могли видеть ничего выше, чём Личный Бог, то из милосердия к ним Он учил их: "Молитесь Ему, как вашему Отцу в небесах, а когда придет время, вы увидите, как и Я, что "Я в вас и вы во Мне, и что вы можете быть Одно с Отцом так же, как Я и Отец Одно."

В Индии был великий Будда, никогда непризнававший дуалистических богов, и массы называли его атеистом, материалистом, - и чем только не называли, - хотя он готов был пожертвовать своим телом, даже ради бедного козла. Этот человек возбудил самые нравственные идеи, какие когда-либо были у какого-либо народа. Везде, где есть кодекс нравственности, есть и луч света, исшедший от этого человека. Мы не можем заключить великие сердца мира в тесные границы и удержать их там, особенно в настоящее время человеческой истории, когда интеллектуальное развитие достигло ступени, о которой даже не мечтали сто лет назад, а волна научного знания поднялась на высоту, о которой никому не снилось и пятьдесят лет назад. Загнать людей силою в узкие границы личных выгод невозможно, если вы не развратите их до состояния животных, не сделаете их машиной, неспособной думать. Что теперь необходимо, так это об'единение самой высокой интеллектуальности с самым широким сердцем. Ведантист говорит, что бесконечная любовь и бесконечное знание составляют одно с бесконечным существованием, и он не придает Богу никаких атрибутов, кроме трех, - именно, что Он есть Бесконечное Существование, Бесконечное Знание и Бесконечное Блаженство, и что эти три составляют ОДНО. Существование без знания и любви не может быть. Не может быть также знания без любви, и любви - без знания. Нам не достает гармонии Существования, и наша цель - совершенствование Существования, Знания и Блаженства, но не одностороннее развитие. Мы хотим гармонии. И, так как совместить интеллект гиганта с сердцем Будды вполне возможно, то я верю, что все мы можем достигнуть этой цели и молюсь о ее достижении.